

**Юрий
БОРОДКИН**

г. Ярославль

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

* * *

*«Места детства Юрия Бородинки
относятся к российской глубинке.*

*Но глубинка эта издавна была
родиной замечательных людей
русской науки и русской литературы.*

Галич, Кологрив, Макарьев, Парфеньев, Судиславль –

*о многом говорят русскому сердцу
эти названия северных городков,
сохранивших под сводами
своих храмов и крепостных стен
эхо многовековой истории», –*

писал В. Кочетков по поводу повестей писателя.

*К названным городам следует добавить
Мологу, Рыбную Слободу,
Романов-Борисоглебск, Солигалич.*

*«Исторические заметки» представляют широкий
познавательный интерес для читателей.*

Митрополит Дмитрий Ростовский писал:
«...той же народ (славяне) расширившись
на странах полуночных, восточных, полуден-
ных и западных, прочих всех силою, мужест-
вом и храбростью превзыде, страшен и сла-
вен всему свету бысть, яко вси древнии и дос-
товернии летописцы свидетельствуют, и от
славных дел своих, наипаче же воинских, Сла-
вянами или Славными зватися начаша».

Об этом же говорит Ипполит Богданович
(1743–1803), считавший, что Слава была в
древности особым божеством славян, кото-
рые от неё заимствовали своё имя. Был го-
род Славенск неподалёку от Новгорода.
«Предки славян во всех полагаемых их про-
исхождениях отличались всегда люблением
Славы и твёрдыми обычаями, кои служили
им вместо законов... Владетели разных пле-
мён придавали к собственным именам сво-
им однозначущия окончания и назывались
Святославы, Изъяславы, Владиславы, Пре-
миславы, Венцеславы, Мечиславы и проч.
То же видно в свойственных сему народу
припевах, каковые донныне слышатся в ос-

татках некоторых древних славянских песней, в коих припеваётся всегда: «слава».

* * *

Примером мужества и неустанной деятельности является Владимир Мономах, совершивший восемьдесят три больших похода, ловивший собственными руками диких коней, не раз бывший на краю гибели. Не случайно С.Соловьёв сказал о нём: «Много пота утёр за землю Русскую».

Сам же Мономах поучал сыновей: «Да не застанет вас солнце в постели!» А ещё завещал: «Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлёт... Если и хорошее дело – остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого». Будучи благоверным князем, он призывал творить добро, не предаваться порокам, во всём иметь страх божий, но благие его наказания остались без исполнения: мономаховичи вели долгие распри в борьбе за великокняжеский стол, творя многие беззакония. Результатом явилось ослабление Киевской Руси и усиление северной, Московской.

* * *

В значении Владимира (княжества и города) говорит тот факт, что даже в 1612 году в грамотах Пожарского и других деятелей писалось: «На Владимирское и Московское государство не избирать» царем иноземца. Имелось в виду возможное воцарение Сигизмунда или королевича Владислава.

* * *

РУСЬ

*К нам жадные орды Восток посылал,
А Запад – псов-рыцарей в латах.
Столетия народ наш под игом стонал,
Бесчисленны наши утраты.*

*Раскосая степь восвояси ушла,
И рыцари сгнули прахом.
Русь царством могучим на карту легла,
Весь мир удивляя размахом.*

*Расчётливый Запад, лукавый Восток
Не могут считать нас своими.
Средь них находясь, извлекли мы урок,
Что нам суждено быть другими.*

*У нас предостаточно собственных сил,
Ещё впереди наша эра.
И им не понять православной Руси,
И нам не потребна их вера.*

*Пока мир покоя никак не обрёл,
Пока выжидают вороны,
Как прежде смотрит двуглавый орёл
И в ту, и в другую стороны.*

* * *

Батый, покоривший Русь, прошёл мечом до Венгрии и Польши, но, к счастью для Европы, повернул в привычные для него степи, обосновав свою столицу Сарай в 60 верстах от Астрахани, на берегу Ахтубы, откуда беспрекословно властвовал над всеми завоёванными народами. Папский посланник монах Карпин так описывает могущество этого владыки: «Батый живёт на берегу Волги, имеет пышный великолепный двор и 600 тысяч воинов, 150 тысяч татар и 450 тысяч иноплеменников, христиан и других подданных». Как видим, большую часть войска составляли не сами татары, а покорённые или добровольно перешедшие на их сторону. Но и Батый подчинился главному хану, находящемуся за тысячи вёрст, на Амуре. По завету Чингисхана его потомки честолюбиво намеревались покорить весь мир. Европа не знала, как отворотить надвигающуюся беду. Папа римский Иннокентий послал к Батыю монаха Иоанна Карпина, дабы степняки не угрожали христианским государствам, а сами приняли бы свет христианской веры. Батый повелел Карпину с сотоварищи ехать к главному хану на бесполезные переговоры. С этой же целью обеспокоенный король Франции Людовик отправил на Амур жившего в Орде монаха Рубруквиса. По свидетельству последнего, обратно он ехал до Волги три месяца.

Карпин оставил подробное описание своего трудного путешествия через половецкие и киргизские степи, через всю Сибирь. Он рассказал о том, как находился целый месяц в стане, называемом Сыра Орда, где в то время был возведен на престол хан Гаюк, сын умершего Октая. Карпин именует его императором. Он пишет о бесчисленных табунах монгольских лошадей, что и во всей Европе столько не наберётся, удивляется размерами главного шатра ставки, который мог вместить 2000 человек.

Откуда взялось такое могущество монголов в

суровых степях Забайкалья, что они покорили Китай, победно прошли до потрясённой Европы? Как удалось Чингисхану создать столь великую империю из разноплеменных народов?

Если католические монахи ехали в дальнюю Татарию по указанию папы и короля, то русским князьям этот изнурительный путь, часто скорбный, приходилось совершать по повелению главного хана. Так к нему был вызван великий князь Ярослав Всеволодович, скончавшийся на возвратном пути. Иоанн Карпин сообщает и об умерших в киргизской степи его боярах: видел их кости.

Его сыновья, Александр и Андрей, после смерти отца тоже были вынуждены отправиться в опасную поездку на край света, но, слава богу, вернулись в отечество. Однако и Александр Невский скончался, возвращаясь из Орды после оправдания перед новым ханом Берке за мятеж соотечественников.

Многие русские князья были казнены в Орде, пока не явился Дмитрий Донской, создавший каким-то божьим промыслом русские полки на Куликово поле. Закат столь могущественной монгольской империи, существовавшей только за счёт грабежа и разорения других народов, был неизбежен.

* * *

Владимир великий, равноапостольный, святой... Чтим его за принятие христианства самой высокой мерой, и всё же великий грешник: убил отца и двух братьев полоцкой княжны Рогнеды, взяв её силой в жёны, власть в Киеве захватил ценою коварного братоубийства, содержал, по летописным сведениям, 800 наложниц, принёс в жертву языческим богам прекрасного юношу и его отца и т. п.

Как это может сочетаться? Может ли человек быть при одной религии похотливым и жестоким, при другой – святым? Вряд ли меняется сущность, заложенная природой, и если Владимир на склоне лет являл примеры смирения, милости к бедным, то происходило это в большей степени от раскаяний, от мучений совести.

Принятие христианства на Руси приукрасилось легендой о том, будто бы Владимир послал делегации в сопредельные страны, дабы выбрать лучшую веру. В этом вряд ли была необходимость, поскольку бабка Владимира Ольга крестилась задолго до 988 года (в 955 году) и в Киеве было уже много христиан благодаря деятельности миссионеров, посылаемых Константинопольс-

ким патриархом. Распространение и утверждение христианства на Руси было неизбежно.

Сам же Владимир крестился в Херсонесе по расчёту: желая породниться с византийскими императорами, он требовал руки их сестры, царевны Анны, что было возможно только при условии принятия киевским князем греческой веры. Это возвышало его авторитет среди европейских государей, которые могли лишь мечтать о подобном родстве с византийским императором. Владимир добился своего силой, взяв богатый греческий город Херсонес (Корсунь) и пригрозив тем же Константинополю.

Разумеется, никакой любви к Анне у Владимира не было, и она, со своей стороны, воспитанная в дворцовой роскоши самой культурной столицы, получившая прекрасное образование, чувствовала себя пленницей невежественного князя-варвара, умевшего только воевать. Не добавляло симпатий к нему его языческое многожёнство.

В отношении многочисленных детей Владимира, кажется, не мог разобраться сам Нестор. Великий князь, взяв силой дочь полоцкого князя Рогволода Рогнеду, сожительствует с беременной женой убитого брата, усыновляет Святополка (Окаянного). А ещё были у него жёны: чехиня, болгарка и другие. Поди разберись в его сыновьях. А ещё было множество детей от наложниц, но они – не в счёт.

Летописец называет сыновьями Рогнеды Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода (а всех сыновей было двенадцать), но после случившейся драмы Рогнеда покидает Киев только с одним Изяславом. Возможно, и не было у неё других детей?

Около 985 года Владимир удалил Рогнеду с Изяславом в село Предславино недалеко от Киева. Тут возник шекспировский сюжет. Якобы когда он спал, она, мстя за отца и братьев и ревнуя его к другим жёнам, занесла над ним нож. Князь перехватил её руку, хотел учинить расправу: маленький Изяслав помешал этому. Придворные уговорили его простить жену ради малого сына и отправить их в отцовский удел, где Изяслав потом стал князем Полоцким.

Вернёмся к Анне. История умалчивает о её детях, и вряд ли они были. Вопрос в другом, откуда Ярослав Мудрый получил хорошее воспитание и образование? Сопоставим даты: Владимир взял Рогнеду в 980 году, а через пять лет уже удалил её в Полоцк, она умерла в 1000 году. С другой стороны, известно, что в 988 году Владимир разделил свои земли между сыновьями и Ярослав получил Ростов. Сколько же ему было лет, если он был

третьим ребёнком? Получается, родился он не ранее 983 года. Вряд ли пятилетнего мальчика отправил отец княжить в Ростов. Между тем принято считать, что Ярослав родился в 978 году. Тогда как он мог быть сыном Рогнеды? Все эти события не стыкуются.

Примечательно, как распределил Владимир области между сыновьями. Старший сын Рогнеды Изяслав остался в Полоцке, а самый значительный город Новгород получил некий Вышеслав, рожденный от другой жены, следовательно, он был самый старший. Кроме Рогнединого Мстислава у Владимира был ещё сын Мстислав: который из них получил лишь Тмутарокань? Не потому ли Ярослав отправился княжить в весьма значительный Ростов, что он был старше названных братьев? Вопросов много, ответов не будет.

Анна умерла в 1011 году, следовательно, Рогнеда в любом случае не могла заниматься воспитанием Ярослава, его могла воспитывать Анна, не имевшая детей, сочувственно относившаяся к хромому мальчику, которого недолюбливал отец, не видевший в нём будущего воина.

Анна могла научить Ярослава грамоте, привила любовь к книгам, к искусствам, к церковному уставу греческой веры. Не случайно он оказался самым просвещённым князем среди всех Владимировых сыновей. Не случайно при крещении он получил греческое имя Георгий.

«Ревность его к христианству, – пишет Н.Карамзин, – соединилась с любовью к просвещению». Он приглашал для росписи храмов греческих художников, учредил в Новгороде первое училище для детей священников и местной знати, создал свод законов того времени, знаменитую «Русскую правду». Всё это – плоды просвещения, привитого царевной Анной. Отношения с отцом в лучшем случае были прохладными, а завершились открытым противостоянием: едва не сошлись в битве Новгорода с Киевом. Бог избавил Ярослава от позорной войны против отца, скончавшегося перед грозным событием.

* * *

Г.М. Соловьев писал о Смутном времени: «Дух материальности, неосмысленной воли, грубого своекорыстия повеял гибелью на Русь... У добрых отнялись руки, у злых развязались на всякое зло». Как будто про недавнюю криминальную революцию сказано! Некоторые считают её достаточно тихой, а она вся на крови, как любые перевороты: счет жертв идёт на тысячи!

* * *

Главным итогом изнурительной борьбы собирателей Московского государства явилось сохранение православной веры: Москва отвергла навязанные римским папой решения Флорентийского собора и даже изгнала митрополита-соглашателя Исидора, и в Смутное время не позволила себя окатоличить при всём усердии польского двора и иезуитов, действовавших через Лжедмитриев. Русь выстояла в тяжкой борьбе благодаря спасительной вере и православному сплочению, преодолела страшное разорение, утрату значительных территорий, а окрепнув, вернула их с лихвой. Не было иного объединяющего спасения, кроме Веры.

* * *

Цари Романовы ведут свой род от боярина Андрея Ивановича Кобылы, приближённого Московского великого князя Симеона Гордого (сына Калиты). От А.Кобылы пошли боярские фамилии Кошкиных, Колычевых, Захарьиных, Юрьевых и др.

Никита Романович Юрьев, брат жены Ивана Грозного Анастасии, был влиятелен при дворе, от него – Фёдор Никитич, известный в истории как Филарет Никитич, митрополит Ростовский при Лжедмитрии первом, патриарх при Лжедмитрии втором (1608–1610 гг.) и после возвращения из польского плена в 1619 году. Фактический правитель России до своей кончины в 1633 году, хотя царём являлся его сын Михаил Романов, избранный после Смуты.

* * *

История не знает сослагательного наклонения, и всё же есть досадные моменты упущенных возможностей. Россия могла покончить с польской интервенцией не в 1612, а в 1610 году, когда отчаянное положение Василия Шуйского, казалось, необратимо упрочилось стараниями его племянника, молодого полководца-героя Михаила Скопина-Шуйского, освободившего от поляков Тверь, осаждённую Сапегой Троицкую лавру, ряд других городов и саму Москву. К тому же посланный Михаилом вологодский воевода Вышеславцев занял Ярославль, астраханский воевода Фёдор Шереметьев очистил от изменников всё Поволжье. Князя Михаила называли отцом Отечества, прочили

царский венец. Россия, по определению Карамзина, любила его до чрезмерности. Москва, триумфально встретившая победителя, уже готовилась к походу под Смоленск, чтобы выбить оттуда Сигизмунда, но именно блестящие успехи М.Скопина-Шуйского оказались для него роковыми: он был отравлен дядей Дмитрием Шуйским (и его женой, дочерью Малюты Скуратова).

Если бы не это злодеяние, безусловно, князь Михаил стал бы после Смуты царём, и продолжилась бы династия Шуйских, а не Романовых. Судьба судила иначе, потребовалось долгое соби́рание народных сил, и на историческую сцену были вызваны другие спасители России: Минин и Пожарский.

Замечу также, что история недостаточно оценила деятельность В.Шуйского, этого государя-несчастливца, на долю которого выпало самое тяжкое время, названное Смутным: упорная борьба с польской интервенцией, с обоими Лжедмитриями, с Иваном Болотниковым, с бесчинством так называемых «козаков» и прочих воровских людей. Вряд ли кто другой смог бы управлять столь расшатанным государством более успешно. Увы, судьба Шуйского оказалась печальной.

* * *

В писцовой книге дворцовой ловецкой Рыбной Слободы 1674, 1675 и 1676 гг. вначале подробно описывается богатое убранство слободского собора, перечислены книги старой печати: Устав полной печати, Минеи месячные в год, Евангелие воскресное, толковое, Апостол, служебник, житие Николая Чудотворца, Псалтырь на лойная и пр. Далее перечисляются: «...ризы камчатые, черватые, оплечье по чёрному бархату шито золотом и серебром, в пределе образ Иоанна Предтечи с житием, венец и цата серебряные, золочёны..., да у тоё же церкви колокольня каменная, на ней шесть колоколов, Благовесной 32 пуда..., на престоле одежды дороги. Крест обложен серебром...»

Судя по всему, Рыбная Слобода была уже значительным городом, а прославилась рыбным промыслом. Рыбы водилось предостаточно, этот обширный край был богат реками, впадавшими в Волгу.

Удивляет дотошность, с которой тогдашние чиновники (по указанию дьяков) распределяли рыбные ловли и другие хозяйственные земли. К примеру, «...рыбный ловец Васка Иванов. У него дети Микита 15, Максимка 12, Мишка 10, Ивашко 8,

Ивашко ж меньшей 7 лет, вдоль двора и огорода 22 сажени, поперёк 5 сажён, против двора в огороде вдоль 15 сажён...» И так по каждому ловцу или владельцу земли.

Ловцам, за которыми были закреплены ловли вверх по Волге и по Мологе, и по Шексне, было велено «... на государев обиход красную рыбу платить оброком по 30 осетров, по 11 белых рыбиц, без чети, по 8 стерлядей больших, по 18 стерлядей меньших да по 32 стерляди меньших, а чего не ловят осетров, им зачитать белыми рыбицами и стерлядьми, а ловят с вешнего льду до осеннего льду...» Ловли распределены по берегам и вёрстам подробно, чаще других упоминаются Волга, Молога, Шексна. О ней читаем: «А Вольскому уезду по указу великого государя и по писцовым книгам Перфи́лья Секерина да подъячего Григория Софонова в реке Шексне не быть, потому что те воды писаны ловецкой Рыбной Слободы за ловцами и велено им в тех водах на обиход великого государя ловить красную рыбу по-прежнему..., а платить им с тех рыбных ловель на государев обиход, на кормовой дворец уловные красные рыбы прежней оклад, по 30 осетров с третью больших, по 18 стерлядей средних, по 32 стерляди меньших, да рыбные же слободы на ловцах вновь наложено по 9 белых рыбиц, по 2 стерляди больших, по 7 стерлядей средних, по 18 стерлядей меньших...»

В этих перечнях упоминается даже белуга. Вот почему так хлебосольно пировали едва ли не каждый день московские бояре: при Иване Грозном бывали застолья по 700 человек.

А ещё были дворцовые ловли в Борисоглебске, в Норском и в Ярославле. В Приказе Большого дворца сказано: «С Ярославля с посаду по окладу свежие красные рыбы по сороку осетров, по двадцати шевриг (севрюг), по семидесят белых рыбиц, по сту по пятьдесят стерлядей больших в стрелу, по пятьдесят стерлядей средних в аршин, по сту стерлядей меньших...» Интересно, что зимой рыбу в Москву возили во льду, а летом живую рыбу доставляли в Дмитров, где были устроены специальные пруды. Надо полагать, красная рыба поставлялась не только в царский дворец, но и на монастырский обиход (у них были свои ловли), не обделены ею были и сами рыбаки, да и местным жителям что-то перепало. На торговой площади Рыбной Слободы были поставлены шалаши, куда приезжали на ярмарку торговые люди из разных городов «торговать на два срока на Петров день, да на Преображеньев».

Ныне есть Рыбинское море, но нет прежнего рыбного изобилия, про красную рыбу забыли и

думать: не пробиться ей через многочисленные плотины, и вода теперь не того качества. Плата за технический прогресс.

* * *

Геннадий Иванович Невельской. Этим именем гордятся костромичи, его чтут дальневосточники, потому что для изучения и освоения Дальнего Востока он совершил 6-летний подвиг беззаветного служения Отечеству на самом дальнем его рубеже.

Известный адмирал родился 25 ноября 1813 года в усадьбе Дракино Костромской губернии, Солигаличского уезда, в семье потомственных мореходов. Следуя традициям предков, Г.И.Невельской обучался в Морском кадетском корпусе, возглавлявшемся знаменитым И. Ф. Крузенштерном. По его окончании плавал на разных судах гардемарин, мичманом, лейтенантом. В эскадре контр-адмирала Ф. П. Литке плавал вместе с юным великим князем Константином, помогая ему осваивать морское дело. В 1844 году Литке, великий князь Константин и лейтенант Невельской отправились в Архангельск принимать суда «Константин» и «Ингерманланд», и здесь Невельской был назначен на «Ингерманланд», где старшим офицером числился великий князь Константин, впоследствии помогавший Невельскому во время его Амурской экспедиции.

Благодаря значительным связям в кругу высшего морского офицерства и помощи начальника Главного Морского штаба князя А. С. Меншикова Невельской сумел добиться назначения капитаном строящегося в Гельсингфорсе (Хельсинки) военного транспорта «Байкал», предназначенного для отправки на Камчатку провианта и прочих грузов. Невельской решил воспользоваться этой возможностью для осуществления своей мечты, исследования низовий Амура, побережья Охотского моря и Сахалина, о чём соответствующие инструкции подписал Меншиков.

«Байкал» под командой Г. Невельского благополучно совершил плавание через Атлантику и Тихий океан, доставив грузы в Петропавловск-Камчатский, после чего Невельской увлёкся главным делом своей жизни: изучением и описанием низовий Амура, Сахалина и побережья Охотского моря, где построил много постов (портов), означавших военное присутствие России на Дальнем Востоке. Это была изнурительная работа, полная лишений и опасностей. Действуя в добром контакте с генерал-губернатором Восточной Сибири

Николаем Николаевичем Муравьёвым, Невельской окончательно убедился, что Сахалин – остров, дважды проплыл по Амуру, исследуя его левый берег. Здесь он принял на свой риск в русское гражданство амурских туземцев, вызвав серьёзные осложнения во взаимоотношениях с Китаем, за что его хотели разжаловать в матросы, но император Николай I одобрил его действия, назвав их «молодецкими». В 1850 году он основал город Николаевск-на-Амуре. Ему пришлось столкнуться с нападениями англо-французской эскадры, рывкавшей у дальневосточного побережья. По его инициативе наш флот был передвинут из Петропавловска к Амуру.

Вместе с Г. И. Невельским в его экспедиции трудился его более молодой земляк Николай Константинович Бошняк, представитель древнего рода, чей предок выехал из Греции и прибыл к Петру I вместе с молдавским господарём Дмитрием Кантемиром. Н. Бошняк тоже прошёл обучение в Морском кадетском корпусе и тоже был офицером высокой чести. В письме Г. И. Невельскому он писал о том, как отец провожал его на службу на Дальнем Востоке напутствием: «Будь правдив и лучше сам поплачь, нежели чтобы из-за тебя плакали другие, и, конечно, имея подобного отца, правда и самопожертвование должны быть девизами Бошняков». Эти слова в полной мере относятся и к самому Г. И. Невельскому. В амурской экспедиции находился и другой представитель морской династии, Яков Иванович Купреянов. Его дядя был женат на сестре Г. И. Невельского. Этим замечательным людям посвящены страницы в книге «Костромичи на Амуре», выпущенной Верхне-Волжским издательством в 1979 году.

Нельзя не сказать о верной спутнице Г. И. Невельского, его жене Екатерине Ивановне, в девичестве – Ельчаниновой. В Иркутске Невельской познакомился с юной красавицей Катей, племянницей гражданского губернатора Зарина. Он был на 17 лет старше избранницы, но она без сомнений последовала за ним и всюду была рядом с ним в его опасных предприятиях, в экспедиции на Дальнем Востоке. Она писала своим родственникам: «На коленях благодарю господа бога, давшего мне покровителем этого чудного человека, нежность которого ко мне составляет мою гордость...» Вернулась вместе с мужем в Иркутск, только когда закончилась экспедиция, а он получил назначение начальника штаба генерал-губернатора Муравьёва.

Ещё одна интересная страница, связанная со временем экспедиции Невельского. Мы знаем о фрега-

те «Паллада» по книге очерков Ивана Александровича Гончарова. Этот фрегат под командованием Ивана Семёновича Унковского доставил в Японию дипломатическую миссию во главе с графом Ефимием Васильевичем Путятиным. Затем Унковский по согласованию с Невельским совершил неудачную попытку войти в устье Амура и, отойдя в Императорскую гавань (Советская гавань), разгрузил и разоружил фрегат, оставив его остов на зимовку, где его останки и лежат на дне. Это был старый корабль, выслуживший свои сроки.

Унковский возвращался в Петербург по суше, вместе с ним ехал и Гончаров И. А., не пожелавший совершить обратное морское плавание. Опытному мореплавателю Унковскому довелось ещё раз побывать на Дальнем Востоке: в 1860 году он являлся здесь начальником штаба соединённых эскадр, а когда вернулся, получил 28 июня 1861 года должность Ярославского военного губернатора и оставался при исполнении до 1878 года. Почётный гражданин Ярославля Унковский Иван Семёнович закончил свою службу в чине полного адмирала.

Из Иркутска Невельской уже с семьёй (жена и две дочери) вернулся в Петербург, где был назначен членом учёного комитета Морского министерства. Последние годы он посвятил написанию подробных записок о дальневосточной экспедиции. Он болел, и книга была издана посмертно его женой Екатериной Ивановной. Вот титульный лист этой книги:

**Подвиги
русских морских офицеров
на крайнем востоке России
1849–1855 гг.
приамурский и уссурийский край
посмертные записки
адмирала Невельского
изданы супругою покойного
Екатериною Ивановною Невельскою
под редакцией
В. Вахтина**

С.-Петербург
Русская скоропечатня (П. С. Нахимова)
Большая Садовая, №27
1878 г.

Г. И. Невельской скончался в возрасте 62 лет, Екатерина Ивановна пережила супруга на три года, ей было лишь 45 лет. Сказались полные лишения годы жизни на Дальнем Востоке и в Сибири. Хочется добавить, что это был подвиг не только

морских офицеров, но и рядовых матросов, прикомандированных казаков, местных жителей и всех, кто осваивал дальние рубежи Отечества. Это о них воскликнул С. Н. Марков: «Хвала вам, покорители мечты, творцы суровой и прекрасной сказки...» Что касается Геннадия Ивановича Невельского, его имя увековечено памятниками в Солигаличе, в селе Лосеве, рядом с бывшей усадьбой Дракино, в основанном им Николаевске-на-Амуре, в Хабаровске, в Южно-Сахалинске, в Петропавловске-Камчатском, Владивостоке. Имя Невельского носят музеи, улицы, школы, оно начертано на борту одного из судов. Россия помнит и чтит своих предков, потрудившихся во славу Отечества.

* * *

Поддавшись революционному дурману, злой воле «пламенных» вождей, мы были расточительно-безумны, порушили неисчислимое количество храмов. Наконец-то, слава Богу, образумились и поняли, что без веры ничего не получится. Так дети, стоя возле безнадежно больной матери, спохватываются, что мало заботились о ней. Но долгим будет искупление столь непростительного греха.

*Шли к коммунизму, но не той дорогой,
Вершин заманчивых достигнуть не смогли,
Раскаявшись, вновь обратились к Богу,
Мол, не гневись, заблудшим помоги.*

*И обновили храмы, будто прежде,
Монастырей сияют купола,
Осталась у людей надежда,
Что тем поправятся дела.*

*Как пересилить силу чистогана?
Как победить насилие и разврат?
Уж слишком глубоко в общественную рану
Проникнул либеральный яд.*

*Путь к храму долг, многотруден,
А бес соблазнами прельстил,
Хоть князь Владимир, помнить будем,
Нас тыщу лет назад крестил.*

* * *

В последние годы много и справедливо пишут об утрате старинного города Мологи, затопленного Рыбинским водохранилищем. По отзы-

вам старожилов, этот край был замечательным и плодородным, и всю территорию, залитую водой, называют золотым дном.

Молога прославилась самой первой знаменитой ярмаркой в России, действовавшей со времён Калиты до XVI столетия. В сочинении дьякона Тимофея Каменевича-Рвовского (XVII век) сказано: «На устье славных Мологи реки древле были торги великие... Приезжали торговать купцы многих государств Немецких и Польских, и Литовских, и Грецких, и Римских – глаголют же и Персидских, и иных государств... Ныне же то наше купечество Моложское разделился по иным торгомам (имеются в виду Архангельская, Макарьевская и др. ярмарки. – Ю.Б.).

Река же та великая Молога полна судов была... яко по судам тогда без перевозов переходили люди реку ту Мологу и Волгу на луг Моложский, великий и прекрасный, иже имать во круг свой 7 вёрст. Серебра же того пошлинного пудового по 180 пудов и больша собирали на казну Великого князя. Тогда же на Мологе 70 кабаков винных и питий всяких было, торговали же без розъездов по четыре месяца все купцы и гости».

Как не вздохнуть с сожалением о такой исторической потере? Только по одной этой причине надо было сохранять древнюю Мологу и её окрестности. Но в то время покорение природы считалось подвигом, а гигантские стройки инициировались самим вождём как свидетельство успехов социализма: прикажет товарищ Сталин, мы и реки повернём вспять.

Скорость, с которой сносили Мологу, освобождая место под водохранилище, свидетельствует о бесчеловечном отношении властей к людям. О переселении объявили 1 сентября 1936 года. Надо было разбирать дома, вязать брёвна в большие плоты и сплавливать их к новому месту под Рыбинском. Жителям домов, негодных к перевозке, предписывалось освободить их в течение десяти дней и самим решать, куда податься. Богоявленский собор в Мологе был взорван, другие храмы постигла та же участь. Настали самые трагические дни. Сколько слёз было пролито переселенцами, попавшими в страшную беду, у которых отнимали малую родину, сколько сердец надорвалось от мучительных переживаний!

В статье Ю. Нестерова и П. Никитина, опубликованной в журнале «Родина», приводятся красноречивые документы того времени. Вот некоторые выдержки из стенограммы расширенного пленума Мологского горсовета:

...Лялин (член горсовета):

– Наш пленум имеет историческое значение. Великий наш вождь и учитель товарищ Сталин для блага всего народа выдвигает грандиозную задачу реконструкции Верхней Волги. Но вот граждане Ключкина и Никифоров, как видно, недовольны этим. Хватит ныть, надо побыстрее выполнять эти решения.

Некто Позгль заявил, что поздно перевозить дома, впереди холода и зима, на что другой член горисполкома Оборотистов грубо ответил:

– Пустячки всё говорите. Вот Кимры сломали, перевезли, и никто не замёрз. Строили Беломорканал – опять никто не замёрз.

В итоге было зачитано решение: «Заслушав и обсудив доклад председателя горсовета Назарова «О реконструкции Волги»... пленум выражает свою радость и преклонение перед гениальной мудростью инициатора реконструкции Верхней Волги, нашего учителя, друга и вождя мирового рабочего класса великого Сталина...»

Кому – боль и слёзы, кому – радость.

Тот же Назаров так ответил комсомолке, которая пожаловалась на невыносимые условия переселения: «Вы, комсомолка, пишете не по-комсомольски, по-обывательски. Что значит невыносимые условия переселения? Может ли так рассуждать комсомолка? Попадать под обывательские настроения вредно и недостойно звания комсомолки».

Никакие жалобы в расчёт не принимались, людей насильно, в спешном порядке, отрывали от родных мест. Один из переселенцев вспоминал, как они на пароходе покидали Мологу: «...И тут все увидели оставшихся односельчан, которые махали пароходу и плакали. Все пассажиры парохода – старики, дети, женщины, мужчины – тоже заплакали. Всё было как во сне, не верилось, что эти родные места, эту тропу к реке, лес, поля и луга, эту заводь и озёра, эту церковь, это кладбище с могилами наших родных – всё навсегда погребёт водная стихия».

Плоты с разобранными домами сплавливали не только до Рыбинска, но и дальше – в Тутаев и Ярославль, где на левом берегу образовалась большая деревня Мологино. Мой тесть, Дмитрий Егорович, вернувшийся из добровольной ссылки в Архангельск, куда семья уехала во время коллективизации, пригнал такой плот из Мологи в Ярославль. Не представляю, как он мог доставить его по Которосли, против течения, до Красного Перекопа? Здесь намокшие брёвна вытащили на берег и не одну ночь дежурили возле них, пока не перевезли на место. Понятно, что обрести своё

жильё той же осенью было невозможно, семья продолжала ютиться угловыми жильцами у чужих людей. Дом всё же был собран, он и теперь стоит на улице Солнечной, только жизнь на ней оказалась горестной: в результате всех этих лишений тесть умер в 1946 году, теща и того раньше, в 1942 году, в возрасте 46 лет.

О масштабе мологской трагедии свидетельствует статистика: под водой оказались древний город и более 800 деревень, 150 тысяч человек покинули свои дома, родную землю и утнувшие отеческие кладбища, уничтожено 50 церквей и 6 монастырей. Великие грехи и преступное варварство.

Есть ли нынче надобность в Рыбинском водохранилище, отравленном сбросами предприятий Череповца? Электроэнергии ГЭС даёт немного в современных масштабах. Известный эколог Фатей Шипунов, с которым мне довелось плыть на пароходе от Вологды до Великого Устюга, приводил убедительные цифры потерь от затопления богатейших земель Молого-Шекснинского края, по его расчётам, за 40 лет они составили около 9 миллиардов рублей (прежних, советских), а доход от Рыбинской ГЭС всего около 80 миллионов. Он настаивал на необходимости спуска водохранилища, чтобы оживить Волгу, вернуть её берегам прежнее изобилие. Судходство вверх по каналам до Питера существует в основном для туристов, поскольку грузопоток незначительный, с ним успешно справляются железные дороги и автотранспорт. Даже частичное снижение уровня воды в Рыбинском водохранилище (до уровня, сохраняющего судходство) высвободило бы огромные площади, занятые теперь мелководьем, а природа постепенно сделала бы свою восстановительную работу. И легендарный древний город Молога, варварски разрушенный, поднялся бы из-под воды в укор прежним покорителям природы и в назидание потомкам. Может быть, когда-то и совсем спустят эту гигантскую никчемную лужу, освободив Волгу, множество её притоков и тысячи гектаров плодородных земель?

А пока потомки выселенных мологжан, не имея возможности поклониться затопленным могилам сородичей, каждое лето (в августе) собираются в парке Рыбинска, чтобы помянуть свою Атлантиду, проплывая над которой авторы упомянутой статьи предлагают капитанам «дать сигнал в память о Мологской стране, людях, которые жили в ней».

* * *

С. Максимов, рассказывая о грибном промысле в Костромской губернии, сообщает об известном торговце грибами из Судиславля Папулине, имевшем годовой доход более ста тысяч рублей.

Купеческого благополучия Папулину оказалось недостаточно, он связал свою деятельность со старообрядцами федосеевского толка. Радея для этой общины, и погорел на небывалой афере: по сговору с протоиереем Благовещенской церкви Сольвычегодска за 7 тысяч рублей вывез из неё 1300 ценных икон, поскольку церковь была построена богачами Строгановыми и пользовалась их покровительством и вкладами. Разбогатевшие на торговле солью Строгановы не жалели средств на приобретение церковных редкостей, завели даже собственную иконописную мастерскую, отличавшуюся особой манерой письма.

Под покровом ночи «на шести парных подводах» иконы были вывезены и доставлены из Сольвычегодска в Судиславль. Одни из них разошлись по старообрядческим общинам, другие Папулин продавал по многократно завышенным ценам, за счёт чего ещё более обогатился. Купец остался торгашом даже в вопросах веры. Финал получился закономерный: в 1846 году Папулин был арестован и сослан в Соловецкий монастырь, где в тяжелейших камерных условиях скончал свои дни.

С. В. Максимов во время своего долгого путешествия по Северу попытался встретиться с заключённым земляком, но архимандрит Александр не разрешил такое свидание. Строгость была такая, что он даже не называл Папулина по имени, а говорил «номер тринадцать» по номеру каземата, похожего на собачью конуру.

Этот эпизод истории вспомнился мне в связи с высказыванием Г. Флобера о том, что мошенники всегда принадлежат высшему обществу. Флобер прав. У простых людей и грехи простые, у богачей – тяжкие.

* * *

На карте дореволюционного Ярославля – ни одной именной улицы! Причём названия были весьма оправданные и благозвучные: Богоявленская, Сретенская, Рождественская, Стрелецкая, Власьевская, Борисоглебская, Угличская, Большая Московская и т.п.

В Ярославле одна из самых значительных улиц до недавнего времени носила имя идеолога неслыханного вандализма, губителя православной церкви Емельяна Ярославского. Разве не кощунство, если на этой улице находится главный действующий храм города – Федоровская церковь! Слава Богу, наконец-то улице вернули историческое название – Большая Федоровская.

Большевики-ленинцы учинили чудовищный произвол, присваивая не только улицам, но и городам свои имена. Так во всех городах появились многочисленные улицы Ленина, Свердлова. Урицкого, Володарского, Луначарского. Тверь, Нижний Новгород, Вятка, Самара, Царицын, Владикавказ, Екатеринбург стали именоваться: Калинин, Горький, Киров, Куйбышев, Сталинград, Орджоникидзе, Свердловск и пр. Причём переименования производились даже при жизни увековеченных. Рыбинск переименовывали трижды.

Допустим, человеку, наречённому при рождении Иваном, в солидном возрасте говорят: «Отныне ты Алексей». Допустимо ли это? Оказывается, с молчаливыми улицами и городами можно творить что угодно, была бы власть.

Когда в ростовской районной газете началась дискуссия о переименовании некоторых улиц, один из её участников заявил, что он против возвращения к прежним названиям, дескать, наши деды были не глупее нас, давая новые названия на заре советской власти. Деды-то были неглупы, только большевики их и не спрашивали. Разве нормально, если в Москве, по подсчётам В. Солоухина, 66 мемориальных мест, связанных с именем В. Ленина, и там же, с бывшими пригородами, 20 улиц Урицкого? В Ярославле улица Урицкого, конечно же, тоже имеется, причём ссылаться на дедов в этом случае не приходится, поскольку улица новая, в новом микрорайоне. И почему надо увековечивать память того или иного деятеля во всех городах?

Конкретный пример. В Ярославле есть судовой им. Володарского. Разве он имел отношение к судостроению? В Ярославле была одна из старинных улиц – Пошехонская. Согласитесь, такая улица и должна сохраниться в нашем городе: нет, она носит имя Володарского. Этого не нашим дедом показалось мало, если сам город Пошехонье стал называться Пошехонье-Володарск, причём для краткости писали П.-Володарск. Помните, с какой стати, ведь Володарский не бывал в здешних краях. Мне довелось плыть на теплоходе с вологодскими писателями по Сухоне, вышли на берег в Тотьме, и первая улица, на кото-

рую ступили, оказалась улицей Володарского. Или к Тотьме он имел какое-то отношение?

Кое-что по части возвращения законных наименований улиц и городов было сделано в начале девяностых годов, но работы здесь ещё много. Мы не до конца осознаём, как важно для людей чувство справедливости всего, что совершается на родной земле. Нерешённость этой проблемы оскорбляет народную память.

* * *

Расстрел Николая II и его семьи, явившийся неслыханным злодеянием, никак не может быть оправдан приближением к Екатеринбургу колючковцев: разве путь на Пермь и Вятку был закрыт? Это было сделано, несомненно, по распоряжению центра (в частности – Я.М. Свердлова), хотя ссылаются на постановление Уральского совета.

Без ведома Москвы никакой Уральский совет не был уполномочен выносить столь преступный приговор: так было удобней вождям, они остались как бы в сторонке от грязного дела.

Трагический финал был предопределён с момента заключения государя в Царском Селе, но кто мог даже помыслить, что расправа будет столь беспредельно жестокой? Подло расстрелять среди ночи, вывезти трупы тайком в лес, изрубить (!) их, облить серной кислотой (потребовалось чудовищное количество – 13 пудов), бензином и закопать сожжённые останки на дне рудниковой ямы – это что-то нечеловеческое, дьявольское, по словам И. Бунина.

Всё тайное становится явным. Замести следы страшного преступления не удалось. Следователь Николай Алексеевич Соколов, совершивший своей неутомимой многолетней работой настоящий подвиг, предметно и документально установил ход трагических событий и назвал главных соучастников казни царской семьи: Я.М. Свердлова, областного уральского комиссара Шаю Исааковича Голощёкина, члена областного совета и коменданта дома Ипатова Якова Михайловича Юровского и др. В числе этих других не упомянут В. Ленин, поскольку сумел «не засветиться» в документах, однако нет сомнений, что без его указаний не обошлось. Вождь остался как бы в сторонке от грязного дела. Но суд истории и суд Божий справедливы: государь Николай II причислен к лику святых, а его палачи, устроители красного террора, прокляты.

Следует упомянуть о своеобразной антитезе соколовскому расследованию, о книге «Двадцать три ступени вниз» Марка Касвинова, изданной в

1978 году. Автор предпринял всё возможное для оправдания жестокостей большевизма, даже героизировал палачей царской семьи. Примечательно, что, пытаясь опровергнуть объективные выводы Н.Соколова, отзываясь о нём самым неприязненным образом, М.Касвинов ни словом не обмолвился о сверхиздевательствах над трупами царственных особ в Коптяковском лесу, иначе его апологетика зверств кровавого террора тотчас рассыпалась бы. Только потуги оказались напрасными, поскольку Н.А.Соколов стремился выявить истину, и за это мы должны быть благодарны ему. Не случайно на кресте над его могилой во французском местечке Сальбри начертано: «Правда Твоя – Правда во веки».

* * *

Потомкам Ивана Сусанина, жителям села Коробова, государи дарили охранные грамоты, по которым они считались белопахцами, то есть освобождены были от податей, им гарантировалась неприкосновенность со стороны полиции и другие льготы.

Но жители Коробова перестали заниматься земледелием, «ибо нашлось более выгодное занятие» – притонодержательство. В пределы полицейской недосыгаемости стекались бродяги и беглые крепостные. Здесь же находили приют воры, фальшивомонетки и все, кто имел счёты с полицией. В результате из Коробова образовался разбойничий вертеп.

Император Александр II в 1859 году уничтожил в грамоте Николая I параграф о неприкосновенности белопахцев. В Коробово введены были войска, и дело кончилось высылкой нескольких семей.

* * *

Цари Смутного времени (Б.Годунов, его сын, В.Шуйский) не были династическими и в глазах народа являлись недостаточно легитимными. Избрали Михаила Романова, по сути, тоже боярского царя, но на сей раз выбор оправдывали родственной линией, наиболее близкой к Ивану Грозному, а поскольку наиболее предпочтительный кандидат – Филарет Никитич (двоюродный брат царя Фёдора Иоанновича) находился в польском плену, шапка Мономаха досталась его сыну.

Смута наконец прекратилась, потому что она измаяла Россию и надо было прийти к какому-то согласию.

* * *

По случаю спасения императора Александра II во время покушения 4 апреля 1866 года состоялось собрание петербургских костромичей (300 человек), среди которых находились писатели Сергей Васильевич Максимов и Алексей Антипович Потехин.

Максимова ныне знают, а Потехин забыт, хотя был знаменит при жизни (1829–1908), являлся почётным членом Петербургской АН, автором романов, повестей и рассказов. Пьесы его шли наряду с пьесами А.Н.Островского. Вот что писал А.Потехин о своих земляках: «...Наша губерния не богата, природа не была щедра для неё: скудная почва, суровый климат, громадные, но дешёвые леса... Есть у нас только одно неоценимое богатство, которое мы сами накопили и которым мы делимся со всей Россией: это – необыкновенная смышленость костромского крестьянина, это – выработанное горькою нуждою мастерство его на все руки.

Кто не знает костромских плотников, каменщиков и пр., и пр. Костромич – по преимуществу мастеровой человек, но, по этому самому, он уже не принадлежит самому себе, он вечно чужой слуга, всю жизнь вне родной семьи и вдали от родины. Костромич идёт и в Петербург, и в Харьков, и в Казань, и за Урал, и везде ему рады, везде дают работу, потому что он и ловок, и дешёв, а дешёв потому, что костромичей, ищущих работу, много...»

Вернёмся к собранию петербургских костромичей. Дело в том, что Александра II спас костромской крестьянин Буйского уезда, села Молвитина Осип Иванович Комиссаров, повторивший подвиг Сусанина. Ему было присвоено звание первого гражданина Костромы и дворянство.

Как сообщается в материалах по истории Костромы, завершилось собрание «семейным» ужином костромичей. Было много тостов, один из них произнёс секретарь американского посольства господин Куртин. В ответ А.А.Потехин сказал воодушевлённое, сильное слово, указав на дружественное влечение друг к другу двух великих народов и на глубокий смысл присутствия Америки на русском семейном обеде. «...Никто не в состоянии более русских стать в уровень с американцами в способности к самоуправлению и к самостоятельности... Дружественный союз между нами крепок, как союз товарищей, связанных между собою сходством своих национальных достоинств».

Понятно, дружественные чувства были подогреты добрым обедом, но дальнейшая история показала, что никакого товарищества и сродства национальных достоинств между русскими и американцами не проявилось. И выжидательная политика США с открытием второго фронта, и холодная война, и нынешняя враждебность по отношению к России подтверждают это. Америка видит в нас не друзей, а лишь соперников.

* * *

Однажды узнал удивительную историю. Наш старожил Смирнов Александр Андреевич за рюмкой водки рассказывал мне о том, как ходили они на заработки в Питер (подряды брали всё у знатных людей).

– А царя приходилось видеть? – спрашивал я.

– Не одиново. К принцу Ольденбургскому, у которого мы работали, он в гости приезжал. Принц имел чин генерала, женат был на сестре царя Ольге, значит, тот был ему шурином. Раз довелось стоять рядом с Николаем II. Полковую церковь строили в Красном Селе, царь с царицей и царевичем приехали на закладку. Это под алтарем делается такая тумба каменной кладки аршина на два, в неё вмазывают чашу с гарным маслом. В чашу бросают деньги: царская фамилия – с подноса по горсти золота, а полковые офицеры – из своих кошельков, кто сколько бросит. Потом чашу замуровывают, и пока цемент не схватится, часовой стоит коло неё. Царь с царицей положили по кирпичу, и царевич Алексей – тоже, а рука у него слабая, так я помогал ему. Церковь-то была не простая: сорок углов надо было разбить!

Старик рассказывал это с видимым удовольствием, то закатывая глаза кверху, то прикрывая их веками.

– Композитору Рубинштейну строили дачу в Петергофе, потом работали у этого принца Ольденбургского, у него в Петергофе было два летних дворца: каменный и деревянный. Нигде я не видел столько цветов: шесть оранжерей было в саду, вот мы и делали их заново. А к саду примыкало кладбище, где мы шабашничали, благо материалу было много, – продолжал он. – Там были богатые склепы – с комнату. В одном из них собирались приплывавшие из Питера большевики: привозили сюда и распространяли прокламации среди солдат.

– Откуда ты узнал об этом? – любопытствовал я.

– Отец меня привёл к ним, он работал на строительстве дома в гренадерском полку. Однажды

накрыли нас полицейские, но я успел выбросить листовки между могил. Всё равно привели в участок. Мне повезло, принц сам приехал к приставу и освободил меня, поскольку прямых улик не имелось. А отца арестовали на другой день. С ним дело обернулось серьёзно, он хотел передать листовки одному гренадеру, а тот отвёл его к командиру полка. Военный суд присудил ему полтора года Петропавловской крепости, потом его перевели в Кострому, оттуда – в Кологривскую тюрьму, из Кологрива вернулся домой совсем хворый, той же осенью и умер пятидесяти семи лет.

Хвалясь своими питерскими похождениями, дед Александр разохотился и добавил:

– Ленина тоже видел: был у него в Смольном.

– Правда?

– А то нет?! Катерина сообщила мне, что новая власть отобрала корову, ну я и пошёл жаловаться Ленину – пообещал разобраться, принял во внимание, что отец пострадал за революцию. Корову вернули, видать, его распоряжение дошло до уезда.

Не зря в избе у него странным образом соседствовали два больших портрета: Иоанна Кронштадтского и Ленина.

Понятно, с каким интересом слушал я деда Александра! Не верить ему у меня не было оснований, но неужели простой костромской крестьянин сидел в Петропавловской крепости, предназначенной для опасных преступников? Приехав в Москву, я решил обратиться в архивы, полагая, что документы о людях, осуждённых на заключение в крепость, должны храниться. Я мало надеялся на удачу, однако предположения оправдались: дело Смирнова Андреяна Ильича нашлось. Оно слушалось 28 мая 1907 года в Петербургском военно-окружном суде. Вот приговор, зачитанный военным судьёй после заключительных прений:

«По указу Его Императорского Величества 1907 года мая двадцать восьмого Петербургский военно-окружной суд под председательством генерал-майора Никифорова в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали:

Временные члены:

Лейб-гвардии Павловского полка полковник Сперанский,

Лейб-гвардии Егерского полка полковник Ченгиры,

Лейб-гвардии Финляндского полка капитан барон Фон-Финг,

Лейб-гвардии Егерского полка капитан Штубендорф, при помощнике секретаря Кол. Рег. Афанасьеве слушали дело о кр-не Костромской губернии Андрее Илье Смирнове, пятьдесят

пять лет, переданному Петербургскому военно-окружному суду помощником главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

По соображении обстоятельств дела, выведенных в обвинительном акте и разъясненных на судебном следствии и в заключительных прениях, Петербургский военно-окружной суд признал кр-на Андреяна Смирнова в том, что вечером восьмого августа 1906 года в городе Петергофе он передал рядовому лейб-гвардии конно-гренадерского полка Похому Володову для прочтения и распространения среди других нижних чинов печатное воззвание под заголовком «Солдатам», содержащее в себе призыв к нарушению воинскими чинами их служебных обязанностей. Обращаясь к определению подсудимому Смирнову закона о наказании, суд находит, что преступное деяние, совершённое подсудимым, составляет распространение непублично среди войск учений, возбуждающих воинских чинов к нарушению обязанностей военной службы, и подвергает виновного на основании 131 ст. Уг. Улож. ссылке на поселение. Суд по обстоятельствам назначил ему это наказание, но, принимая во внимание признанное судом уменьшающее вину обстоятельство, суд нашёл справедливым понизить назначенное наказание, а потому назначил ему согласно 53 ст. Уг. Улож. заключение в крепости на один год и шесть месяцев.

По силе соображений и на основании 53 и 131 ст. Уг. Улож. Петербургский военно-окружной суд постановил: кр-на Смирнова Андреяна Ильича заключить в крепость на один год и шесть месяцев за распространение среди войск учений, возбуждающих воинских чинов к нарушению обязанностей воинской службы».

Никаких сомнений в правдивости рассказанного дедом Александром не оставалось. Дата ареста его отца совпадает со временем, когда большевики после неудачи в 1905 году развернули военно-революционную пропаганду в войсках. Одной из жертв этой подрывной работы стал вовлечённый в неё крестьянин, приехавший на заработки в Питер.

В дополнение скажу ещё несколько слов о принце Ольденбургском. Принц Петр Александрович Ольденбургский, потомок императора Павла, был женат на дочери Александра III Ольге, генерал-майор.

Об этом удивительном человеке есть воспоминания И.А.Бунина, который отзывался о нём с высшей похвалой: «...Я же знал только прекрасные (черты его характера. – **Ю.Б.**): эту действи-

тельно «совершенно исключительную доброту», это «душевное благородство», равное которому надо днём с огнём искать, необыкновенную простоту и деликатность в обращении с людьми, редкую нежность и верность в дружбе, горячее и неустанное стремление ко всему, что даёт человеческому сердцу мир, любовь, свет, радость». Бунин пишет о том, что Пётр Александрович называл попросту Колей даже Николая II.

Сам Пётр Александрович в одном из рассказов говорит о том, как, вернувшись с охоты, робко просил кузнеца Семёна зайти к нему вечером, посидеть, побеседовать. Это было ещё в России. Стоит отметить, его отец являлся правнуком императора Павла, мать – внучкой Николая I.

Находясь в эмиграции во Франции, принц Ольденбургский писал стихи и рассказы, подписывая их скромно: Пётр Александров. Показательно то, что свою ферму под Байоной (юг Франции) он завещал денщику, приехавшему с ним из России, за что его хотели объявить умалишённым. Не успели, умер от чахотки на пятьдесят шестом году жизни.

* * *

У нас, в деревне Коробовское, жил известный кузнец Николай Кленков, долго не бросавший своё ремесло после того, как погасли все горновые огни в округе. Это был человек богатырского здоровья. Помню, ехали мы на попутном фургоне-летучке, он подсел к нам на повороте возле своей деревни. Дело было зимой, в разбитое окошечко задувал морозный ветер, а Кленок (так называли его за глаза) всю дорогу держался голой рукой за железную рамку окошечка. Ручищи у него были лопатистые, рукавиц и шарфов никогда не носил. В любой мороз грудь его была нараспашку, красная, как арбуз.

Вот такими крепкими, закалёнными, неприспособленными мне представляются люди прежних веков. К примеру, войско Годунова топталось под Кромами целую зиму: можно представить спартанские условия полевого быта того времени. Изумительный пример силы духа приводит «Новый летописец». Когда Василий Шуйский послал на выручку утеснённого литовцами Брянска два отряда под командой Василия Мосальского и Ивана Куракина, они подошли к городу с противоположного берега Десны. Несмотря на то что оставалось десять дней до Рождества, в реке была прибывающая вода, и по ней несло лёд. Слыша с городских стен слёзные призывы о помощи,

«поплыли через реку к городу, лёд же великий их осиливал. Они же, как дивные звери, лёд разгребали иплыли через реку. Литовские же люди и русские же воры стояли на берегу и стреляли по ним. Брянчане же, видя их плывущих, вышли им на помощь». Кто ещё, кроме русских, способен на такой массовый подвиг?

* * *

Дворянин Кологривов находился в делегации тушинских изменников у Сигизмунда III под Смоленском в 1610 году. В том же году вернулся в Москву, когда гетман Жолкевский прибыл договариваться с боярами о воцарении королевича Владислава.

Между тем название костромского Кологрива производят как коло грив, то есть около лесных увалов, именуемых ещё гривами. Нельзя ли предполагать, что кто-то из потомков этого дворянина получил землю по берегу Унжи и явился основателем этого городка? Следует добавить, что род Кологривов был знатным, пошёл от некоего Ратши, выехавшего из Германии к Александру Невскому. От этого же Ратши вели свой род Мусины-Пушкины, Бутурлины, Свибловы и пр.

В числе других именитых немцев был принят некий Михаил, который выехал из Пруссии. От него пошли Морозовы, Шеины, Салтыковы, Шестовы. Не случайно женой одного из самых знатных московских бояр, Фёдора Никитича Романова, стала дочь костромских дворян Ивана и Марии Шестовых. Вероятно, Ксения Ивановна была красавицей и всё решилось по большой любви.

* * *

Когда красные штурмовали крымский Перекоп, командующий Южным фронтом М. Фрунзе предложил Врангелю прекратить сопротивление, а всем сложившим оружие обещал сохранить жизнь.

Узнав об этом, «человеколюбец» В. Ленин упрекнул Фрунзе в слишком гуманном отношении к белым.

После взятия Крыма ленинская жестокость проявилась в беспощадных расправах над оставшимися офицерами и чиновниками: расстреливали на месте, топили в море; улицы Севастополя были уставлены виселицами и т.п.

Руководила зачисткой большевичка Землячка (Залкинд Розалия Самойловна), занимавшая впоследствии высокие партийные посты и благо-

получно жившая до 1947 года. Её кровавые заслуги увековечены почётным захоронением праха на Красной площади.

* * *

Власть, основанная изначально на крови и глумлении над верой, не может быть прочной. Прав оказался монархист В. Шульгин, писавший ещё в 1920 году: «Восстановление России придёт через красное бессмыслие».

* * *

«Наша вечно создающаяся Россия», – сказал Достоевский. И ведь верно! Оглянитесь на нашу тысячелетнюю историю – не было в ней длительного периода стабильного государственного устройства. То – раздробленность и княжеские междоусобицы, то двухсотлетнее иго, то Отечественные войны, то революции. Постоянные государственные перестройки, вечно меняющиеся географические очертания.

Огромная страна всегда находится в напряжении физических и моральных сил. Всё надеемся на будущее благоустройство.

*Широка страна моя родная,
Прошагали предки далеко.
Эту ширь от края и до края
Обустроить очень нелегко.*

* * *

Что такое Европа? В географическом плане такого континента нет. Какие-то неизвестные землемеры произвольно определили её границу по Уралу, но являемся ли мы европейцами, куда так настойчиво стремились со времён Владимира Святого, налаживая брачные связи с тамошними государями?

Нет, мы всё же другие, ибо Европа – понятие цивилизационное, а не географическое: там – романская цивилизация, католицизм, у нас – свои обычаи, славянские корни культуры, православие, да и сама природа иная. Поскольку мы постоянно перенимаем опыт Европы, может быть, при надлежит ей по праву усыновления, допускает Н. Я. Данилевский и тут же замечает: мы что-то не видим родительских чувств Европы в её отношении к России.

Либералы предлагают нам принять условия,

диктуемые европейским Западом, то есть покориться ему, пойти к нему на выучку. К сожалению, мы это и пытались делать, но нас выталкивали и продолжают выталкивать из европейской прихотей, не желая признавать европейцами. Подобное высокомерие унижительно для великой державы, тем более что в нравственном плане нам нечего перенимать у Запада с его извращённой моралью (однополые браки и прочее).

В конце концов, Европа должна быть благодарна России, а не наоборот, потому что мы заслонили её от монгольского нашествия, ценою миллионов жизней избавили от фашистской коричневой чумы.

Ныне времена подражания Западу, кажется, проходят. Европа находится в глубоком кризисе, она становится арабским континентом, и вот уже встревоженные коренные жители подумывают о том, куда бы самим бежать в эмиграцию. И опять будут с надеждой смотреть в сторону пренебрегаемой ими России.

* * *

Начало царствования Александра I ознаменовалось многими преобразованиями, и главное, в области просвещения.

24 января 1803 года были Высочайше утверждены правила народного просвещения, в которых правительство обращалось к «благонамеренным гражданам» с призывом содействовать средствами на устроение училищ.

В числе первых меценатов-патриотов явился Демидов Павел Григорьевич (1738–1821) из славного рода горнозаводчиков. Известный ярославский краевед К.Д. Головщиков писал о нём: «Внук кузнеца крестьянина из деревни Павшиной Тульской губернии Никиты Демидыча Антуфьева, которого ещё Пётр Великий за его заслуги в ружейном искусстве возвёл в потомственное дворянство, дав ему и новую фамилию – Демидов, Павел Григорьевич Демидов находил, что лучшею службою Отечеству будет основание высшего учебного заведения». Такое решение возникло прежде всего в силу его высокой образованности.

В молодости он отправился постигать науки в Германию, где окончил университетский курс, особенно увлекаясь естественными науками и металлургией (Демидовы основали около 50 заводов). Затем он совершил путешествие по всей Европе (Франция, Голландия, Англия, Шотландия, Дания, Швеция, Норвегия) и всюду живо интересовался вопросами горнорудной промышленности и соби-

рал богатые коллекции, относящиеся к предметам естественных наук, а также редкие книги, ставшие дарами Московскому университету и, частью, Ярославскому Демидовскому училищу. В Швеции он познакомился со знаменитым учёным Карлом Линнеем, поддерживал с ним переписку и посылал ему некоторые экспонаты.

Возвратившись в Россию, Павел Григорьевич побывал на всех уральских заводах, кроме того, состоял на государственной службе, получив от Екатерины II высокий чин статского советника.

Итак, уже через два месяца после правительственного призыва к благотворительности, в марте 1803 года, Павел Григорьевич обратился к министру народного просвещения с предложением учредить в Ярославле университет. Почему в Ярославле, если не жил здесь, а зимой – в Москве, летом в подмосковном или нижегородском имении? Дело в том, что в Ярославской губернии он владел большими вотчинами: Романовская – 1330 душ, Угличская – 2240 душ, их-то он и предлагал отдать в пользу Ярославского университета (так он называл своё детище изначально).

Министр доложил о благом намерении Демидова императору, Александр удостоил мецената личным одобрительным ответом, заверив императорским словом, что «все распоряжения ваши, которые вы сделаете в помощь училищам, я утвержу точно по вашей воле». Как видно, речь пошла всё же об училище.

К.Д. Головщиков приводит письмо П. Демидова уже на Высочайшее имя:

«Всемиловейший государь! Удостоясь получить отличное благоволение, какое Вашему Императорскому Величеству, по благодати своей, угодно было изъявить мне Высочайшим рескриптом своим, спешу принести наичувствительнейшую благодарность...

Любя науки и почитая просвещение первым основанием благосостояния государства, сильнейшее моё желание всегда было споспешествовать распространению оных... Известно мне, сколь велико число неимущего дворянства в губернии Ярославской имеет нужду в таком заведении, в котором бы оно с малыми средствами могло приобретать познания, кои образуют разум и сердце...» Далее П. Демидов называет свой благотворительный взнос: 3578 душ в Ярославской губернии и 1000 рублей деньгами на учреждение в Ярославле училища, которое он считал Демидовским университетом, о чём свидетельствуют надписи на подаренных училищу книгах.

Демидовское училище вышних наук было отк-

рыто 29 апреля 1805 года. Сам Павел Григорьевич не присутствовал на этом торжественном мероприятии. О широте взглядов П.Г.Демидова на просвещение говорят его значительные пожертвования Московскому университету (1000 рублей и богатую библиотеку), а также на предстоящее открытие Киевского и Томского университетов (по 50 тысяч рублей). Более того, он мечтал и об учреждении оного на Дальнем Востоке.

Император Александр I, оценив благотворительную деятельность П.Г.Демидова, пожаловал его 6 июня 1803 года орденом Св. князя Владимира первой степени, а 25 марта 1805 года произвёл в чин действительного статского советника (четвёртый класс).

Училище (впоследствии – Демидовский юридический лицей) поначалу размещалось в разных непригодных помещениях, но в 1816 году обрело трёхэтажное главное здание в самом историческом месте Ярославля, на Стрелке, где когда-то был Рублёный город. Интересно, что к нему была пристроена церковь, освящённая во имя Александра Невского. Предполагалось, что он приезжал в Ярославль в 1249 году и жил здесь в княжеском дворце.

В 1730 году в Калачной слободе Ярославля были построены две церкви: холодная – Троицкая с приделом во имя Александра Невского, ликвидированная в 1937 году, и тёплая – Параскевы Пятницы, существующая (рядом с заводом «Красный маяк»). А в самом центре Ярославля, на Крестьянской улице, красуется замечательная часовня Александра Невского, построенная гораздо позднее, в 1890 году.

Павел Григорьевич Демидов скончался 1 июля 1821 года. В признательность «покровителю просвещения» дворянство во главе с губернатором А.М.Безобразовым воздвигло памятник П.Г.Демидову. Ярославским колокольным мастером Иваном Чарышниковым была отлита бронзовая колонна, поставленная на Ильинской площади на гранитный пьедестал, привезённый из Петербурга. Венчала колонну позолоченная сфера, над которой помещён был парящий орёл. Открытие памятника состоялось в 1829 году. Позднее, в 1869 году, в связи с обветшанием памятника были произведены восстановительные работы. В 1931 году памятник был разрушен, воссоздан в 2005 году. На нынешнем памятнике надписи: восток – «Покровителю просвещения и основателю Демидовского высших наук училища», юг – «Построен 1829 год. Разрушен 1931. Воссоздан 2005», запад – «Ярославцы (было – Ярославское

дворянство) Павлу Григорьевичу Демидову», север – герб Демидовых,

О благодарной памяти потомков свидетельствует сквер, названный Демидовским, возникший на месте Ильинской парадной площади. По справедливости имя П.Г.Демидова присвоено Ярославскому государственному университету: Павел Григорьевич, как было сказано, с самого начала мечтал об этом, и мечта воплотилась в жизнь.

Результатом огромной просветительской работы правительства Александра I стал золотой XIX век русской культуры: литературы, живописи, музыки. Свою щедрую лепту в столь благородное дело внёс П.Г.Демидов, один из первых российских меценатов. Нынешние олигархи стократ богаче его, но кто из них способен на подобное пожертвование ради отечественной пользы? Он был настоящим государственным, ибо взгляд его на просвещение народа был поистине масштабным.

* * *

В Авраамиево-Городецком монастыре села Ножкина мне довелось побывать давно, ещё до его восстановления. Его основатель, Авраамий Чухломский, ученик Сергия Радонежского, жил в XIV веке; когда родился, сведений нет, умер в 1375 году, в возрасте около 80 лет. С благословения Сергия он удалился в Галичское княжество и основал здесь четыре обители, в том числе Авраамиев монастырь на берегу Чухломского озера. Каменный Покровский собор был заложен здесь в 1607 году по указанию Василия Шуйского и по благословению патриарха Гермогена.

Среди захоронений есть могила предка Михаила Лермонтова, Георга Лермонта, шотландского наёмника, воевавшего на стороне Сигизмунда III во время польской интервенции. После поражения поляков перешёл в православие и поступил на службу к новоизбранному царю Михаилу Романову. Был пожалован помещьем в Галичском уезде. Погиб во время Смоленской войны 1632–1634 гг. и был похоронен здесь, в Авраамиевом монастыре.

В 1922 году у монастыря были конфискованы ценности, в том числе серебряная рака с гробницы преподобного Авраамия. В середине 30-х годов иноки были расстреляны. В братском корпусе разместили детский дом.

В восстановленном монастыре в 1997 году возведена часовня в память 400-летия со дня рождения основателя русской ветви Лермонтовых Георга Лермонта.

* * *

Новгородцы вели оживлённую торговлю с Европой, богатели на ней, а всякое богатство и довольство расслабляет дух. Не случайно во многих случаях они предпочитали не вступать в сражение с неприятелем, а просто откупались деньгами. По этой же причине «господин Великий Новгород» не мог успешно противостоять более целеустремлённым московским князьям, взявшим на себя роль собирателей русских земель.

* * *

От острова Кизи до Марциальных Вод по прямой не более ста километров. Почти одновременно построены церкви: в Кизях – Преображенская, в Марциальных Водах – Петропавловская, но какая разительная разница между ними! Если поставить рядом эти памятники, то не поверишь, что они рождены одной эпохой.

Петропавловская церковь, построенная по указанию Петра Первого и по его собственным чертежам, является полным отступлением от канонов русского православного храма. Два шпиля вместо куполов, высокие готические окна, закрытый балкон для хора, скамейки вдоль стен – всё это соответствует католической традиции. Куцые шпили придают церкви какой-то незавершённый, унылый вид. Вместо четырёх ярусов иконостаса здесь только два, причём главные иконы, по существу, изображают самого Петра и его жену. Церковь построена в год окончания войны со шведами, иконы прославляют эту победу: изографам было позволено многое.

Не где-нибудь, а в карельской глуши, вдали от присмотра ревнителей православия, своенравный государь дал волю своей прихоти.

Преображенская церковь в Кизях – высшее достижение русского деревянного зодчества. Чтобы взглянуть на неё как на одно из чудес света, сюда, на небольшой островок, едут тысячи туристов, ходят вокруг многоглавого храма, дивятся на деревянную сказку, созвучную русской душе. Сам создатель её, мастер Нестор, не мог сдерживать восхищения, забросив топор в Онега со словами: «Не было, нет и не будет такой!»

Почему же эта жемчужина деревянной архитектуры оказалась в такой дали от «Золотого кольца» древних русских городов? Неужели костромские или ярославские плотники, столь искусно вла-

девшие топором, не могли создать подобное?

Могли. Пример тому – хорошо сохранившаяся деревянная церковь Иоанна Богослова на речке Ишне неподалёку от Ростова, построенная на четверть века раньше, в 1689 году. Но в ту пору в центральной России достигло расцвета каменное строительство. Всюду обжигали кирпич, всюду возникали храмы, заставлявшие изумляться вдохновенному мастерству зодчих, умевших оживить камень, воплотить в нём свою мечту о прекрасном. И храним мы по всем городам и весям эти «каменные сказки», радующие глаз и возвышающие душу.

А на Русском Севере, в том числе и в Заонежье, продолжали придерживаться «деревянных» традиций. Трудно было состязаться в благолепии с каменными соборами, и всё же искусный топор творил чудо. Уникальный Кижский храм рождён этим соперничеством, желанием показать «полную силу дерева».

Петру Первому отдалённость позволяла исполнить свою прихоть; та же отдалённость не увела в сторону от национальных традиций создателей кижского шедевра, она только давала необходимую свободу их творческому воображению.

* * *

Дума является конвейером по производству законов, приспособляющих жизнь под новые порядки (до пятисот и более в год). В связи с этим уместно замечание Вольтера: «Многочисленность законов в государстве есть то же, что большое количество лекарей: признак болезни и бессилия».

* * *

Теперь скажем о другом славянском патриоте, известном сербском очеркисте, писателе-этнографе Иосифе Николаевиче Модриче, который путешествовал по России в 1892 году, о чём рассказал после возвращения домой в книге, изданной на итальянском языке (Модрич владел итальянским языком, так как его родина Далмация долго находилась под влиянием Венецианской республики).

И. Модрич родился в Далмации, в Задре, окончил Венский университет и начинал своё поприще в качестве профессора, но заинтересовался этнографией, путешествовал по Европе, Африке, Южной Америке.

Прибыв в Россию, он длительное время находил-

ся в Петербурге, а затем побывал в Новгороде, Вологде, Ярославле, Ростове Великом, Москве, Киеве. Газета «Ярославские губернские ведомости» опубликовала два очерка из его книги: «Ярославль» и «Ростов». Вот какое впечатление на путешественника произвела первая встреча с Ярославлем: «Уже в вечер моего прибытия блестящая панорама Ярославля – вид на него с левого берега Волги, где оканчивается железнодорожный путь из Вологды, – расположила меня в пользу богатого города. Я прежде все с энтузиазмом приветствовал грандиозную благодетельницу реку... Говоря о Волге, вы говорите о России, о сердце России, от древней Твери, вблизи Москвы, до Астрахани у Каспийского моря... «Здравствуй, величественная старушка Волга, – воскликнул я в порыве восторга, – привет царственной реке, Нилу России!»

Переезжая на тройке через реку, я имел случай любоваться высоким правым берегом ее, охраняющим город наподобие природного вала; вдоль вала идёт бульвар из больших деревьев, а из-за них выплывают роскошные церкви, красивейшие здания Ярославля. Прелести своей красоты город не теряет и при ближайшем рассмотрении...

Следует сказать, что Вологду и Ярославль связывала тогда узкоколейка, моста через Волгу не было, и поезда ходили только до станции Уроч на левом берегу Волги. Иосиф Модрич провёл в пути одиннадцать часов и прибыл в Ярославль 3 февраля 1892 года.

И.Модрич остановился непосредственно в прекрасном здании Демидовского лицея, у директора С.М. Шпилевского, поближе к кругу здешних учёных. Вот его описание этой центральной части города: «Перед моими окнами обширнейшая и красивейшая площадь г. Ярославля – Ильинская, длиной полверсты, правильная, обстроенная красивыми и изящными зданиями. Между этими последними есть одно, воздвигнутое по плану знаменитого архитектора Растрелли (дом купца А.И.Вахромеева. – **Ю.Б.**), несколько других – в хорошем итальянском стиле. Середину площади занимает парк, обнесённый решеткой, с величественной бронзовой колонной в память Демидова, основавшего в 1805 г. известный Демидовский юридический лицей, гражданскую гордость города. Невдалеке от памятника находится некоторая патриотическая святыня: пушки, служившие ярославцам защитой против поляков и приверженцев Лжедмитрия. На краю площади ряд вызолоченных глав возвышается над церковью, окрашенной в розовый цвет; по обеим сторонам площади и над её горизонтом виднеются

другие церкви, другие купола, группирующиеся в живописном порядке; в двух шагах от моей квартиры находится величественный Ярославский собор XVII века, с пятью позолоченными главами...»

И.Модрич был радушно принят ярославским губернатором, генералом Фриде Алексеем Яковлевичем, в его доме на набережной Волги, где теперь размещается художественный музей. В тот же вечер губернатор пригласил его в театр, чтобы познакомить с высшим кругом ярославского общества.

Другой генерал, начальник 35-й пехотной дивизии Риттих Александр Фёдорович, пригласил Модрича на завтрак в компании офицеров, которые должны были прибыть вместе с солдатами пешим порядком из Рыбинска, невзирая на мороз, что вызвало восхищение уважаемого гостя. «Глаза офицеров блистали здоровьем, энергией. Я смотрел на них с удивлением, с очарованием», – пишет он. Вот сама сцена прибытия отряда: «На обширном дворе путешественников ожидала обильная закуска, выставленная генералом, с значительным запасом водки – напиток, необходимого при таком морозе.

В назначенный час, с опозданием двух минут, вошли во двор, предшествуемые музыкой, отважные охотники, понятно – усталые, но твёрдым и бодрым шагом. Выстроились в ожидании своего генерала. Он, надевши белые перчатки, обошёл ряды и с энтузиазмом приветствовал сильным голосом своих бравых солдат:

- Здорово, ребята!
- Здравия желаем, ваше превосходительство!
- Очень устали?
- Устали, ваше превосходительство.
- Не поморозили себе ноги и носы?
- Никак нет, ваше превосходительство.
- Молодцы! Ружья в сошки, и скорее подкрепляться. Приветствую и благодарю вас!..

– Вот наша пехота, русская пехота! – сказал мне с важностью генерал. – Я горжусь тем, что командую дивизией. Для неё трудностей не существует... Это войска непреодолимые, стоящие выше всяких иноземных».

Следует сказать, что генерал-майор Риттих Александр Фёдорович, командовавший 35-й пехотной дивизией в Ярославле в 1891–1894 гг., являлся, кроме того, известным этнографом, автором многих публикаций в этой области. География этих исследований обширна, от Харькова и Казани до побережья Балтийского моря.

С большой похвалой отозвался И.Модрич о Ярославском юридическом лицее, его богатой библиотеке, о преподавателях. Ему повезло близ-

ко познакомиться с известным ростовским краеведом, историком, этнографом Титовым Андреем Александровичем, от которого он почерпнул исторические сведения о нашем крае.

Вместе с Титовым Модрич и прибыл в Ростов на поезде, сразу же направившись в Кремль. Древности Ростова не могли не впечатлить иностранца, хотя его пребывание здесь было кратким. «Покидая Ростов, я всё смотрел на его живописный кремль, слушал мелодичные перезвоны знаменитых колоколов...»

Особенным восторгом славянской души отозвалось посещение Иосифом Модричем Москвы. Вот как выразил путешественник свои чувства в статье «Прощание с Москвой» в «Московских ведомостях»: «Поклон Москве и москвичам! Я уезжаю из этого столь симпатичного мне города с чувством непреодолимой тоски, как будто я в нём впервые увидел дневной свет, как будто в нём сосредоточены самые драгоценные и самые священные воспоминания моей жизни.

Покидая этот древний город после двухмесячного в нём пребывания, я чувствую, как во мне пробуждается голос сердца, как во мне искренно и любовно говорит голос крови, той крови, которая течёт у меня в жилах и позволяет мне с гордостью воскликнуть: «Я славянин!.. Я сын великой и могущественной семьи славянской, великолепным центром которой является Москва!»

Позвольте мне, любезные москвичи, быть откровенным: позвольте мне гордиться тем, что я прожил два месяца среди вас и пользовался вашим любезным гостеприимством...

Москва, гордость каждого славянского сердца, каждого русского патриота и каждого русофила, ежеминутно ясно свидетельствует о своих исторических правах на самое восторженное почитание со стороны каждого славянина.

В Москве я думал и чувствовал: с восторженным увлечением думал я о том счастливом дне, когда Москва сделается гражданской и политической столицей всего славянского мира, как теперь она является столицей исторической и нравственной; и я мощно чувствовал всю патриархальную поэзию, исходящую из этого векового центра нравственности, религии и патриотизма. Из Москвы я увожу с собою драгоценную веру в судьбу славянского мира, надежду на преуспевание святой Руси, на великое развитие всего славянства. Я чувствую себя обновлённым и радуюсь тому, что могу утверждать, что только одна Москва в состоянии вызвать в славянине такую блаженную уверенность».

Как эти слова и чувства актуальны теперь, когда родственная нам Украина рушит единство славянского мира, забыв об этих спасительных заветах!

Примечательно, что в Петербурге сербский путешественник пробыл тоже два месяца, но его отзыв о тогдашней столице резко контрастирует с чувствами, которые вызвала Москва. Петербург насторожил Модрича «своими бюрократическими «германофильскими» традициями, своею искусственною общественною жизнью, своим европейским паразитизмом, своим международным космополитизмом». «Когда я приехал в Петербург, я спрашивал себя: «в России ли я?.. Ты был в России? – спросят меня мои друзья. – Я был в Москве! – отвечу я им с чувством бесконечного благоговения, как набожный паломник, возвращающийся от святых мест».

Западный читатель, имевший представление о России как об отсталой, полуазиатской стране, познакомившись с живописными записками Иосифа Модрича, узнал другую Россию, привлекательную, способную вызвать любовь и восторг своей героической древностью, высокой культурой, талантами. Будем помнить об этом человеке щедрого сердца, истинном славянине.

* * *

Борисоглебский затворник Иринарх, неся своё Бусердие Богу молитвами и тяжёлыми веригами, прорицал Яну Сапеге гибель, если он не вернётся на родину, а князя Пожарского благословлял на победный поход к Москве. И то и другое сбылось: Ян Сапега скончался в Москве, Дмитрий Пожарский освободил Москву от польских интервентов.

* * *

Яехал из Юрьева Польского в Переславль. Зная, что село Сима связано с именем полководца П.И.Багратиона, повернул машину с шоссе на просёлок, ведущий в гору между зарослей кустарника. Незатейливая дорога привела на широкую площадку перед двухэтажным домом с мемориальной доской, на которой значилось:

«В этом здании в 1812 году умер великий полководец, герой Отечественной войны, главнокомандующий Второй западной армией

Багратион

Пётр Иванович».

Село Сима, расположенное на берегах речки Симки, в 1708 году император Пётр Первый пожаловал генерал-фельдмаршалу князю Михаилу

Михайловичу Голицыну. После него селом владели сыновья и внуки.

Жена одного из Голицыных (князя Бориса Андреевича) являлась тётушкой знаменитого военачальника Петра Ивановича Багратиона, поэтому он часто бывал в Симе. Раненного в битве под Бородино Багратиона 27 августа 1812 года сначала привезли в Москву, но поскольку наши войска отступали, он был отправлен на лечение в Симу, где скончался и был первоначально похоронен. 23 сентября 2012 года в селе установлен памятник П.И. Багратиону.

Вся центральная часть России священна, куда ни шагни, она обильно полита кровью наших предков, мужественно защищавших Отчизну.

* * *

В журнале «Сельский вестник» 12 октября 1914 года сообщалась любопытная новость: «Герой Севастопольской кампании Семён Васильевич Двойников, почтенный старик в возрасте свыше ста лет, поступил ныне добровольцем. Такова любовь к Царю и Отечеству русских людей. Двойников родился в 1811 году, участвовал в Севастопольской кампании. Был ранен в боях девять раз. Живёт в Солигаличском уезде Костромской губернии. Двойников высокого роста, говорит громко, держится прямо. Чтобы записаться добровольцем, отправился через Кострому в Москву».

* * *

У Н.Я.Данилевского в его фундаментальном труде «Россия и Европа» одна из глав имеет название «Гниёт ли Запад?». А до него на этот вопрос утвердительно ответили славянофилы А.С.Хомяков и И.В.Киреевский и оказались правы: в наши дни Западная Европа находится в глубоком духовном, моральном, культурном кризисе. Эти постоянные требования либеральных свобод, освобождающие людей от всякой ответственности за их поведение, ведут лишь к деградации общества, к вседозволенности в быту и в искусстве.

* * *

Какой разнообразный, увлекательный материал в «Альманахе Армии и Флота на 1902 год»! Тут и очерк о жизни императора Павла I, и статьи о донских атаманах, о Шамиле, об афганском походе и подробные сравнительные данные об ар-

миях и флотах европейских держав и т.п. Между прочим, Франция (родина Жюль Верна с его «Наutilusом») имела в 1902 году девять подводных лодок. В России не было ни одной (мы всегда долго запрягаем), да и Англия не спешила проявлять к этому интерес.

Там же – рассказ о Сербско-турецкой войне 1876 года, когда сербы были наголову разбиты при Джунисе. Произошло это 18 октября, в тот же день сообщение дошло до императора Александра II, а уже 19 октября русский посол в Константинополе Игнатьев предъявил министру иностранных дел Турции грозный ультиматум, требуя заключения мира с Сербией. На размышление давалось 48 часов. Турки незамедлительно приняли условия ультиматума.

Невольно напрашиваются сравнения с действиями нынешней России в том же славянском вопросе (ключевом для нас).

* * *

Москва, Владимир, Ярославль, Кострома, Ростов Великий, Суздаль, Переславль, Углич, Галич и многие другие города и веси – самая сердцевина России, её «Золотое кольцо». Какое счастье жить на земле, где совершались главные исторические события Московской Руси! Здесь история сосуществует с современностью в многочисленных памятниках архитектуры и духовной жизни народа, здесь начиналась наша государственность, добытая ратной доблестью предков, неисчислимыми жертвами и страданиями народа, проявившего силу духа, величие веры, героизм и долготерпение.

Кажется, не так далеко отступили те тягостные времена, когда ордынцы сжигали наши деревянные города, секли людей, как траву, угоняли в неволю. Ещё ближе полное драматизма настойчивое собирание русских земель московскими великими князьями и жестокое лихолетие великой Смуты, измаявшей страну изменами и предательством, польской интервенцией, появлением авантюристов Лжедмитриев и прочих бед, но не сломившей волю народа, отстаивавшего независимость.

Уходят вглубь истории бурные судьбоносные события Средних веков, но сохраняются летописные хроники, свидетельства современников, труды историков, и мы явственно представляем события давних дней, слышим бранный звон оружия, сопереживаем наши поражения и победы, видим сами лица предков, донесённые до нашего воображения описаниями. Перед нами проходят

яркие фрагменты сражений, героические деяния с одной стороны и козни, интриги, измены – с другой, множество незаурядных личностей, оставивших след в истории. Они жили и боролись на этой древней земле, находясь в непрестанном движении: походы, битвы, посольские съезды, поездки на поклон к хану, горький путь в ссылку...

Вижу, как сын Дмитрия Донского – Юрий, не согласный с возведением на великое княжение Московское малолетнего племянника Василия, опасаясь оставаться в своём Звенигороде, спешно отправляется в дальний Галич, полученный в наследство от отца. Зимний путь в санном возке через Ярославль и Кострому долог, можно догадываться, какие честолюбивые мысли тяготили его. Той же дорогой едет митрополит Иов, дабы склонить Юрия Дмитриевича к миру. И вот дядя и племянник едут со своими делегациями к хану решать возникший спор. Дядя вторично терпит унижительное поражение, остаётся прибегнуть к силе оружия. Война между Галичем и Москвой затянулась на двадцать лет.

Дорога на Ярославль и далее являлась главной для Москвы: там оставались менее досягаемые для завоевателей города. Туда ссылали опальных. Захвативший Москву Дмитрий Шемяка отправил ослеплённого Василия II в Углич, а затем в Вологду, его мать Софью Витовтовну – ещё дальше, в Чухому.

Много раз бывал в Галиче, проезжая, останавливаюсь у подножья знаменитой горы Балчуг, где произошла решающая битва между Василием Тёмным и Шемякой. Вижу обороняющихся на крепостном холме, вижу, как карабкаются на него московские ратники, слышу стоны и крики, лязг оружия, грохот пищалей... Тишина над бывшим полем брани, внизу лениво лежит озеро.

Князь-неудачник Василий Тёмный, много претерпевший разных бед, сделал главное: передал Московское великое княжество в надёжные руки сына Ивана (Ивана III), утвердившего единовластие в северо-восточной Руси.

Увы, впереди были более тяжкие испытания. Кроважадный тиран Иван Грозный явился предтечей великой Смуты, ибо он своим террором против родовитого боярства возвел на вершину власти Бориса Годунова, человека лукавого, коварного, не гнушавшегося для достижения цели никакими средствами, вплоть до убийства царевича Дмитрия, и тем самым вызвавшего из небытия Лжедмитрия первого, в котором узнавали молодого галицкого дворянина Григория Отрепьева.

Авантюра с воцарением Самозванца, готовив-

шаяся более других сендомирским воеводой Юрием Мнишеком, удалась, но ненадолго: нашёлся разоблачитель в лице князя Василия Шуйского, едва не казнённого и отправленного вместе с братьями знакомой дорогой через Ярославль в Галич (при Годунове они уже побывали в ссылке в г. Буге). Далее в истории отмечена целая плеяда видных деятелей Смутного времени. На мой взгляд, одно из самых значительных мест здесь должно быть отведено Василию Шуйскому. Вернувшись из ссылки, он смело возглавил заговор против Самозванца, очистил Москву от поляков, отправив Марину в Ярославль, одолел Ивана Болотникова и не впустил в столицу второго Лжедмитрия. При этом пал жертвой невиданного предательства: был насильственно пострижен и выдан полякам, где в плену был убит. Как бы ни принижали некоторые историки деяния Василия Шуйского, он достоин большего уважения: ему изменяли корыстолюбивые бояре, но мужество никогда не изменяло ему.

Мужественным старцем рисуется воображению несгибаемый патриарх Гермоген. Несломленным в долгом польском плену оказался митрополит Ростовский Филарет Никитич, будущий патриарх, отец новоизбранного царя Михаила Романова.

Особую страницу в нашу историю вписал молодой князь-полководец Михаил Скопин-Шуйский, освободитель северо-восточных городов, избавитель Москвы от тушинской блокады. Его помнит Александрова Слобода, где он стоял с войском целую зиму, превратив её как бы во вторую столицу по примеру Ивана Грозного. Его уже хотели видеть царём после Шуйского.

Не станем перечислять героев многомесячной обороны Троицкой Лавры, чей беспримерный подвиг воодушевлял людей на борьбу с захватчиками.

Вспомним добрым словом вождя первого ополчения, русского богатыря Прокопия Ляпунова, предательски изрубленного казацкими саблями.

Вечная наша благодарность Козьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому, освободителям Москвы от польских интервентов. Здесь следует сказать о таком духовном авторитете, как преподобный Иринарх Затворник. Он нёс своё усердие Богу, пребывая в тяжёлых веригах в Борисоглебском монастыре. На пути из Ярославля к Москве Пожарский не прошёл мимо него, съездил из Ростова в названный монастырь, чтобы укрепиться мужеством, получить благословение на победу в предстоящем сражении. Несколько раньше Иринарх также благословлял на поход к Москве князя

Скопина-Шуйского, передав ему свой крест. К слову, даже Ян Сапега, долго господствовавший в здешних местах, побывал у Иринарха. Прозорливый старец предрёк ему гибель в России, если он не покинет её, что и произошло.

Восхищают сами города – памятники нашей истории. Владимир – столица северной Руси. Переславль – родина Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, колыбель русского флота, куда часто совершали молитвенные поездки наши государи. А ещё знаменитая Александрова Слобода, относившаяся к Переславскому уезду.

Нижний Новгород прославил себя подвигом народного ополчения, поднявшегося по призыву старосты Минина. Одну из главных страниц в освободительную борьбу против польских интервентов вписал Ярославль, где вожди ополчения стояли четыре месяца, собирая ратную силу. В том же историческом ряду стоят Галич, упоминаемый выше, и Углич, история которого омрачена убийством царевича Дмитрия, здесь же протекали печальные дни ослеплённого Василия Тёмного, к которому на примирение приезжал известный Дмитрий Шемяка.

Московская Русь выстояла, зажатая со всех сторон враждебными хищниками. Волжские и крымские татары, Литва, Польша, Швеция устремляли хищнические взоры на Москву и не смогли одолеть благодаря стойкости духа народного, укреплённого верой. И ныне недруги сжимают кольцо вокруг

России (такова её судьба), но тщетны их поползновения, потому что великий народ, имеющий столь героическую историю, непобедим.

Как не любить эту отчуждённую землю, хранящую память о великих предках, овеянную их подвигами, «украсно украшенную» бесчисленными храмами? Здесь русский дух, здесь Русью пахнет, самая святая Русь. Я счастлив, что родился и живу на этой благословенной земле, где трудились и ратоборствовали Ярослав Мудрый, Александр Невский, Дмитрий Донской, преподобный Сергей Радонежский, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский. Вечная им память потомков!

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Более двадцати лет возглавлял Ярославскую писательскую организацию.

Автор многих книг прозы и журнальных публикаций.

Широкую известность получил роман «Кологривский волк», опубликованный в журнале «Москва», в «Роман-газете».

Этот роман отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Особое место среди произведений занимает роман «Малая Пасьяма».

Дважды выходили его «Избранные произведения», а также — собрание сочинений в трёх томах.

Член Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живёт в Ярославле.

